

Публичное и приватное: реконфигурация взаимодействий в гражданском акте¹

Размежевание публичного и приватного, если не их дихотомия, возникает всякий раз, когда речь идет о представлениях и действиях во имя общего блага и коллективных интересов, о политических решениях и уязвимости гражданских прав. В современном мире с технологически оснащенной коммуникацией, где частная жизнь, в виде ли персональных данных или интимных подробностей, беспрепятственно становится предметом общего обсуждения и расстается со своей латентностью и сакральностью, порой не только страдая от этого, но и приобретая бонусы пользы и внимания, публичное, как бы его ни понимали, расширяется, заслоняя человеку изрядную часть обзора. Импликации нашей приватности, случайно проговоренные языком или жестом, кем-то подмеченным, тут же перехватываются прилюдной репрезентацией, не успев развернуться или стать нам самим понятными и ощутимыми. Публичное соблазняет признанием нашей идентичности, возвышает гражданскими ценностями и усредняет во вкусах, а также возбуждает, успокаивает или вызывает тревогу, источая фантомы нешуточных угроз, манифестируя всем другим наше сокровенное, не уберегая его от чужих интерпретаций и указывая на сомнительность нашей безопасности. Впрочем, не исключена и обратная перспектива: преумножение приватного, наступление частных мнений на публичные области, “падение публичного человека” (Сеннет). Взаимные притязания публичного и приватного перманентно испытываются иллюзиями и реальностью, что предоставляет им возможности поочередно или в каком-либо ритме без правил одерживать верх или пересекаться и взаимопроникать вплоть до неразличимости ис-

¹ Статья подготовлена в ходе выполнения НИР “Закономерности формирования и социологические измерения гражданского общества в Украине” (0118U005335), предусмотренной бюджетной программой Национальной академии наук Украины по направлению “Поддержка развития приоритетных направлений научных исследований” (КПКВК 6541230).

ходных оппозиций в воображении и действии. История таких сопряженностей и дистанций достаточно известна и длинна, чтобы детально излагать ее в пространном нарративе, но не столь прозрачна, чтобы с легкостью извлекать из нее резоны для понимания настоящего. Обратим внимание на существенные, на наш взгляд, моменты, способствующие такому пониманию.

Онтология публичного

“Простое различие между приватным и публичным, — констатирует Ханна Арендт, погружаясь в эту историю и отыскивая в ней основания для метаморфоз современных политик, — соответствует сфере домохозяйства, с одной стороны, пространству политического — с другой, а эти области существовали как различные, строго отделяемые друг от друга единицы по меньшей мере с начала античного города-государства” [Арендт, 2000: с. 39]. Собственно, только в модальности полиса противопоставление публичного и приватного, как и все реминисценции, отсылающие к контекстам конституирования этой дихотомии, и достигают предельной оппозиционности и недвусмысленности. Впечатляюще и привычно воспроизводимы образы греческой агоры или римской площади, где достойные, равные, свободные граждане обсуждают государственные вопросы, сообща и гласно вынося легитимные решения. Эти паттерны несомненно контрастны представлениям о скрытой жизни домохозяйства с его порядками молчания, лишений, доминирования и подчинения, которое захватывает рабов, чужеземцев, варваров и женщин, функционирующих в обеспечение необходимых потребностей выживания и репродуктивности семейств, но также и освобождения собственников частного владения от подобных забот, предоставляя им гарантии не обремененного утилитарными императивами полноценного пребывания в полисе.

Публичное, — а оно здесь интересует более всего, поскольку и сегодня конденсирует атмосферу гражданственности, не говоря уже о том, что его недостаток усугубляет чувство покинутости современного человека, — апеллирует прежде всего к *открытости*, очевидности, зримости множественного действия и слышимости разноречивых высказываний, но и к явственному присутствию *общего для людей мира*, нашей совместности, особого состояния, никак не сопоставимого с оберегаемой уникальностью неповторимого “Я”. Этот совместный мир простирается между теми, кто в нем проживает, и, как всякое *между*, “связывает и разделяет тех, кому он общ” [Арендт, 2000: с. 69]. В классической онтологии публичного, а значит политического (коль скоро речь идет о формах античной демократии, что, по сути небеспристрастно исследует Арендт в “*Vita active*”), пожалуй, две артикуляции остаются особо значимыми. В топографическом модусе это “пространство появления”, в темпоральном — проекция в бессмертие.

Публичное как пространство появления¹, прилюдной явленности для других, некоего перформатива совместности едва ли соответствует терри-

¹ “*Space of appearance*”, “пространство появления”, как в переводе работы Х.Арендт “*Vita activa*, или О деятельной жизни” [Арендт, 2000]. Между тем в переводе лекции Д.Батлер “Союз тел и Политика Улицы” 2011 года [Батлер, 2011] концепт Арендт транслируется как “пространство проявления”, что воспринимается весьма уместным, учитывая перформативную перспективу, отстаиваемую Батлер.

ториальной локальности полиса, скорее, оно возникает именно *между* участниками посредством их речей и действий, которые попадают в визуальный и звуковой фокус из разных перспектив. Оно, это пространство, может перемещаться, движимое энергетикой такой совместности, интенсивностью ее проявлений, и хотя изначально конституируется на площади, предваряя формальную организацию публичной сферы, жестко не ограничено ритуальным местом, остается флюктуирующим и подвижным, проявляясь там и тогда, где сцепляющие совместность и производящие эффекты множественности промежутки очевидно дают о себе знать. Такая “публичная явленность” как раз и сообщает миру действительность, удостоверяет его реальность, как и реальность полноправных граждан [Арендт, 2000: с. 69]. Но только последних. Не допускаемые к участию в такой совместности и не обладающие статусом гражданина заведомо и легитимно лишались возможности открытой демонстрации себя на людях, и, соответственно, лишались какой бы то ни было реальности. Человек, не располагавший собственностью и своим собственным местом, оказывался “безмирным”, фигурировал в этой зоне скорее “не как человек, а как экземпляр рода” [Арендт, 2000: с. 59–60]. Через исключение этой части жителей пространство появления первоначально предстает как уже распределенное и размеченное, — будто “власть действует прежде всякой перформативной власти”, как замечает в недавних рассуждениях о народных собраниях Джудит Батлер, отталкиваясь от рафинированного по нынешним меркам образца публичного у Ханны Арендт [Butler, 2011].

Помимо торжества избирательной совместности публичное пространство настроено на трансляцию политических идей и решений во времени. Темпоральный порядок публичного в полисе устанавливается как превосходящий настоящее, рассчитанный на долгую длительность. “Ибо полис был для греков — как и *res-publica* для римлян — прежде всего защитой от тщетности и ускользания жизни одиночки, а именно пространством, которое защищено от всего преходящего и отдано относительно долговечному, а стало быть прямо предназначено для того, чтобы обеспечивать бессмертие смертному человеку” [Арендт, 2000, с. 74]. Современный взгляд, уже приносивший к вездесущему, летучему, мерцающему публичному, с привычными вспышками раздувания и рассеивания, никак не снимает с публичной сферы функцию коммуникативного послания вовне, трансмиссии кодифицированных политических содержаний за пределы сиюминутного и преходящего.

Публичная сфера — универсальная и множественная

Пространством коммуникативных взаимодействий в масштабах общества, сетью социальных коммуникаций, которые постоянно фильтруются и “срастаются в узлы тематически специфицированных общественных мнений”, определяет публичную сферу и Юрген Хабермас [Habermas, 1996: р. 360]. Его книга “Структурная трансформация публичной сферы”, вышедшая в начале 1960-х вслед за “*Vita active*” Ханны Арендт, обозначила особую территорию публичной политики, релевантную социологическому осмыслению, описав ее уже ставшими классикой тезаурусом и стилем [Костенко, Макеев, 1999; Юдин, 2017]. В отличие от Арендт, усматривавшей очевидную уязвимость публичной жизни в буржуазном обществе, утрату ею воодушев-

ления политическим на фоне развития индустриального производства и важности социально-экономических предписаний, Хабермас, обращаясь именно к этому периоду, прослеживает в европейских социумах второй половины XVIII века возникновение новых автономных образований — общественного мнения и публичной сферы. Такие автономии формируются созвучно интенциям Просвещения, росту информационной среды и доступа к ней средних слоев, возникновению дискутирующих сообществ на разных городских площадках, где обсуждают поначалу частные вопросы, касательно прежде всего экономических условий частной деятельности, но неизбежно, в силу расширения критического потенциала и знаний, делают ставку на общие интересы. Формулируя, аргументируя и корректируя связанные с ними идеи, публичная сфера превращается в относительно самостоятельного актора политической и культурной жизни, продуцирует социальную рефлексию, не ограничиваясь легитимными формами литературного производства, будь то наука, искусство или медиа, но и охватывая рядовых граждан.

Именно здесь зарождается и форматируется общественное мнение, которое, как и публичная сфера, неофициально осваивает функцию критики и контроля государственной власти, трансформируя представления относительно публичности как репрезентации господства, — чем она собственно и являлась, благодаря присутствию публичных авторитетов абсолютизма, — в пространство консолидации буржуазной публики, способной противопоставить себя государственному управлению. И хотя к середине XIX века этот многообещающий дискурсивный общественный ресурс стал угасать, Хабермас находит в его проявлениях основания модели, которая могла бы быть уместна и приемлема в совершенствовании политики демократического менеджмента послевоенной Европы. Пожалуй, не разрешенным до полной ясности остается вопрошание, на которое Хабермасу практически во всех своих исследованиях, как и многим теоретикам и практикам современной либеративной демократии (демократии обсуждения, совещательной демократии), приходится вновь и вновь аргументировано отвечать. Но и ныне этот вопрос не снимается с повестки дня. Речь идет о возможной совместности и непротиворечивости, признании “родства”, как называет эту соотнесенность Шанталь Муфф [Муфф, 2004], основных прав личности, личных свобод, собственности, с одной стороны, и народного суверенитета, демократического участия, формирования коллективной воли — с другой; то есть об установлении незыблемой связи между либеральными институтами и демократией, легитимность которых сегодня явно не на пике [Муфф, 2004]. Да и как вообще воспринимать бытующую асимметрию между нашими частными интересами и универсальной рациональной идентичностью, озабоченной достижением общего блага.

Публичную сферу, следуя Хабермасу, можно рассматривать, наряду с “системой” и “жизненным миром”, в качестве структурной составляющей социума, которую, тем не менее, исчерпывающе можно представить не столько в привычных терминах социального порядка, сколько концептами теории коммуникативного действия. По сути, “публичная сфера”, как разъясняет Хабермас в работе “Между фактами и нормами”, — феномен достаточно неопределенный, поскольку не является ни институтом, ни организацией, ни даже совокупностью норм и ценностей. Это никак не система, хотя

в ней есть внутренние границы, внешне она открыта, проницаема, ее горизонты подвижны [Habermas, 1996: p. 360].

Функциональность публичной сферы обеспечивается нормативными требованиями, которым придается решающее значение. Коммуникативный акт, в котором сливаются воедино речь и действие, организуя публичное пространство, случается лишь тогда, когда совершается компетентно, то есть когда отвечает правилам воспроизводства “идеальной речевой ситуации” с ее притязаниями на следование истине в отношении к миру, правильности в установлении легитимных interpersonalных контактов посредством языка и искренности как экспрессивной презентации субъективности говорящего [Habermas, 1979: p. 29]. Соответствовать таким притязаниям непросто, и достижение “рационального консенсуса”, более уверенного, чем “простое согласие”, в общем-то принимается в качестве регулятивной идеи. Ее реализация инвестируется движением ко взаимному пониманию участников коммуникации, которая осуществляется без какого-либо принуждения, *коммуникативной рациональностью*, поддерживаемой дискурсивным потенциалом обыденной речи, мобилизующим область знаний и отношений.

Конституируемая коммуникативным действием публичная сфера остается совещательным конструктом, не выдвигает задач принимать конкретные решения, возлагая их на институциональные структуры управления или гражданского общества, но способна оказывать существенное влияние на их действия. И если это влияние воспринято наделенными статусом власти политическими субъектами, которые убедительно аргументируют эти свои действия, то имеются основания истолковывать “народный суверенитет” в терминах intersubjectивных взаимодействий — как власть, порождаемую коммуникативными средствами, как *коммуникативную власть* [Habermas, 1996: p. 362–364]. Однако это возможно лишь при доскональном соблюдении правил коммуникативной рациональности, процедур коммуникативного действия и, соответственно, процедуральной демократии. Или, как интерпретирует публичную сферу в качестве действенного сегмента гражданского общества Чарлз Тейлор, ее контролирующие функции обусловлены тем, что через нее происходит трансмиссия общих умонастроений, ожиданий и мнений, которые здесь кристаллизуются, в область восприимчивости социально и гражданственно отзывчивых политических инстанций [Taylor, 1995: p. 260–261].

Коммуникативные действия, направленные к пониманию, генерируют особое социальное пространство, имеющее как видимую локацию (места повседневной интеракции, а также общественные площадки-форумы), так и абстрактный территориальный образ — аудитория медиа, включая виртуальные образования социальных сетей, где “неискаженная коммуникация”, бытующая в жизненном мире, полагается принципиально возможной. Следуя коммуникативной рациональности, публичная сфера способна к самопроизводству и противостоянию манипуляции со стороны разного рода политических акторов, таких как партии, группы интересов, отдельные лидеры и масс-медиа, стремящихся использовать публику в прагматических, корпоративных целях.

Разумеется, формация буржуазной публичной сферы, которой хотел бы оставаться приверженным Хабермас, отсылает скорее к ретроспективе модерной нормативности. Современный человек, постоянно пребывая “внутри

медиа”, как это заметил еще МакЛуен, при максимальной медиатизации социальной и частной жизни хорошо осведомлен относительно качества медиа-презентаций волнующих социумы общих проблем, манифестируемых от имени публики. Похоже, что ожидания от медиа полноценных форматов “infotainment”, из которых часть определено предназначена для обнародования событий публичной политики, публичных высказываний, претендующих на генерализованную значимость, существенно снизились в разновозрастных и различных по статусу аудиториях. Хабермас, например, с сожалением констатирует убывание возможности “рационального консенсуса” в медиа, не желающих обращаться к неудобному для них интеллектуалу в качестве популярного персонажа, который мог бы “первым почуять важное” [Хабермас, 2006]. Неуместность индивидуального суждения, идущего вразрез с общепринятым в массовом обществе, подчеркивала и Ханна Арендт, порицая последнее за утверждение конформизма, поддерживаемого, в частности, принципом равенства, и сокращение шансов на свободный политический поступок. В этом массовое общество очевидно уступает античному полису, где “открытое, публичное пространство было отведено именно для непосредственного, для индивидуальности; это было единственное место, где каждый должен был уметь показать, чем он выбивается из посредственности, чем он на деле в своей незаменимости является” [Арендт, 2000: с. 55]. Вопрос о том, насколько сегодня медиа способны организовывать условия для продуктивной социальной и политической рефлексии, остается открытым, хотя и требует вновь и вновь к нему возвращаться.

Публичная сфера в терминах Хабермаса, как и общественное мнение, — пожалуй, наиболее востребованная в социологии конструкция данного предмета, благодаря ее теоретической обоснованности и признания научным сообществом своего времени [Юдин, 2017]. Между тем, как и другие “незавершенные планы модерна” публичная сфера, публичное в оппозиции к частному, в версии Хабермаса или Арендт, неизбежно подвергаются, если не пересмотру, то коррекции, поискам комплементарности с обновленными представлениями относительно того, каковы же механизмы общественного участия во власти и управлении социумами. Критика Хабермаса, как собственно и Джона Ролза и других приверженцев делиберативной политики с интенциями морального дискурса, хорошо известна и, как правило, принимается, когда речь идет о том, как вне публичного рационального обсуждения остаются интересы дискриминированных социальных и культурных сообществ, ценностное разнообразие, экзистенциальные различия. То есть когда предлагается выйти за пределы себя, чтобы превозмочь все те установки на исключение и эмпирические различия, которые могли бы отвлечь, увести в сторону от универсальной рациональной перспективы общего согласия.

Примирение с такой перспективой в современном мире затруднительно, поскольку его очевидно различимыми координатами являются множественность и одновременность, проецируемые на всевозможные пространственно-временные конфигурации, взаимодействия и отношения любого масштаба. О публичной сфере все чаще говорят во множественном числе, как о разнородных, противоречивых и никак не единых локализациях и фрагментарностях. Именно так ее трактовать призывает теоретик искусства Саймон Шейх: “... мы должны понимать публичную сферу как раздробленную и состоящую из нескольких пространств и/или формаций, ко-

торые иногда соединяются, иногда отменяют друг друга или же находятся в отношениях конфликта” [Шейх, 2018], иными словами, как потенциальное множество различных пересекающихся и взаимодействующих сфер. Публичные пространства учреждают “контрпублики”, трансформирующие эти пространства сообразно собственным мнениям, представлениям и вкусам, обращаясь к воображаемому другому и в известной степени его формируя. По меньшей мере, как полагает Шейх, именно так должны быть устроены художественные институции, позволяющие реализовывать альтернативные концептуальные проекты в области искусства, дискурсы и практики, оппонирующие институциональной нормативности [Шейх, 2018]. Таким формациям свойственна самолегитимация и аутопойезис, но говорить об их полной автономности было бы преувеличением, поскольку их функционирование обусловлено другими сферами — культурной индустрией, рынком, информационными и коммуникационными технологиями, культурной политикой. Шанталь Муфф развивает идею относительно “агонистического плюрализма”, который должен воплощаться в публичной сфере демократий, где для воспроизводства приверженности своим институтам требуется свободная общественная полемика, столкновение политических позиций, не исключаемых перспективой рационально и процедурно принятого согласия. Требуется “наличие соперничающих форм гражданской идентификации. Они создают область, в которой страсти могут быть мобилизованы вокруг демократических ценностей и антагонизма, преобразованного в агонизм” [Муфф, 2004: с. 196], то есть по пути движения от враждебности к легитимному соперничеству. Насколько этот путь тернист, достаточно явно демонстрирует наша собственная публичная сфера, возбужденная избирательной кампанией текущего года. Очевидно, Муфф права, говоря о том, что избыточная артикуляция рационального консенсуса способна оборачиваться неудовлетворенностью, равнодушием к участию в политической жизни, утратой доверия, а значит и сомнением в легитимности присутствующей власти, возрастанию антагонизмов. Все это и наблюдается сегодня в электоральном поведении украинцев.

Bodies That Matter¹

Собственно, о множественности в связи с возникновением “пространства появления” говорит и Ханна Арендт, имея в виду множественность действия и речи, организующую и заполняющую промежутки, где разверстывается территория совместности, где возникает возможность лицезреть и слышать других так, как и другие воспринимают тебя с разных позиций обзора и пунктов резонанса. “Общий мир исчезает, когда его уже видят только в одном аспекте; он вообще существует только в многообразии своих перспектив” [Арендт, 2000: с. 75]. Между тем, на собрании полиса среди этих перспектив предпочтение отдается той, которая признается приоритетной основой согласия, общего решения, принимаемого на площади свободной публикой. Классическая концепция полиса остается скорее одной из идеальных конструкций функционирования публичной сферы, так как сам публичный характер пространства, где сегодня декларируют отношение к

¹ Название известной книги Дж.Батлер [Butler, 1993].

политическому режиму и предъявляют претензии власти, отстаивается, дискутируется и требует признания материальных условий его воплощения. Существенно здесь не только возведение архитектуры и дизайна объемов (видимых или виртуальных), но и *тела*, движущиеся и говорящие совместно, маркирующие публичную топографию. Джудит Батлер решительно вводит этот конструкт в “пространство появления”, которым эксплицируется реконфигурация публичного и приватного, опровержение устойчивых или установленных между ними различий [Butler, 2011; Батлер, 2018]. Обязательность телесной визуализации публичности становится очевидной в случае множественного скопления тел в форме уличных демонстраций, народных собраний и шествий. Несомненно, что-то значительное будет ускользать из поля зрения, понимай мы публичную сферу производной исключительно или преимущественно от рациональной коммуникации и коммуникативной власти, вне вовлеченности в ее конституирование материальных акторов и посредников.

“Чтобы имела место политика, должно появиться тело”, — констатирует Батлер [Butler, 2011], тем не менее, оно действует не в одиночестве; именно в совместном действии, продуцирующем зазоры между телами, возникает пространство появления, перформатив публичности, которая разворачивается визуально, осязаемо, в звуках, учитывая материальную историю реального места или сообщая ему новую. Батлер акцентирует мысль Арндт, развивая идею телесного присутствия в онтологическом контексте. Тела претендуют на публичность своей множественностью, реформируя материальную среду, в которой они локализуются и перемещаются, и выдвигают сомнения в принятой дифференциации публичного и приватного, прилюдно ночуя на мостовой, сооружая пункты питания для участников, другие службы обеспечения бытовых, сугубо частных, интимных потребностей и обыденных практик. Тела, поддерживаемые разного рода non-human агентами, выставлены напоказ, манифестируют коллективные требования, зачастую более эффективно транслируя семантику протеста, нежели резонирующие политические высказывания. Альянс соотносимых друг с другом и взаимосвязанных тел вырабатывает общую энергию, волю, потенцию, укрепляет солидарность и проектирует паттерны возможного социального порядка в измененных, как кажется, отныне и навсегда темпоральности и топографии¹.

Пересматривая классическую концепцию полиса, вдохновившую Ханну Арндт, Батлер весьма скептически оценивает ее гендерный аспект, предполагающий достаточно строгое, принимаемое как данность и не требующее обсуждений статусное размежевание публичных областей и частных анклавов, которые предписаны соответственно мужчинам и женщинам, свободному и репродуктивному, политическому и дополитическому. Разумеется, это касается и других сообществ, подверженных эксклюзии. Если

¹ Свойство тела выходить за пределы своих очевидных возможностей, объединяясь в целевые союзы с другими телами, артикулируется многими исследователями, реагирующими на текущие со времен Делеза тренды пересмотра философско-правовых кодов тела. Скажем, Роберто Эспозито, следуя переосмыслению оппозиции субъекта и объекта, полагает, что тело может отыграть свое достоинство, если оно рассматривается как “живое тело”, как актуальный вектор трансиндивидуализации индивида, открытости общему, публичному и коммунитарному измерению [Esposito, 2015; Serafini, 2017].

имеются исключения из повестки дня политики, то для Батлер важно понять, каков статус групп, лишенных в разной степени политических и социальных прав, какие формы принимает сегодня их выход из приватного заточения в публичную явленность и каким образом при этом происходит размывание границ принудительного различения в рамках данной онтологической, правовой и культурной дихотомии.

Джорджо Агамбен, отталкиваясь, подобно Аренд, от концепции полиса, рассматривает такие эксклюзивные группы, как “включенные исключения”, имея в виду, что практикой и правом исключения закон и суверен реализуют власть вписывать это исключение в сферу своего контроля, придавая ему политическое измерение, но оставляя в статусе “голой жизни”. Вводимое Агамбеном понятие соотносимо с *zoe* у греков, простым фактом жизни, общим для всех живущих — животных, людей и богов, в отличие от *bios*, означавшим форму или образ жизни, характерный для отдельного существа или группы [Агамбен, 2011]. Секуляризированную форму “голой жизни” ныне представляет артикулируемый в парадигме биополитики концепт биологической жизни, которая, согласно Агамбену, отличается “той же невыразимостью и непроницаемостью, — образует, таким образом, реальные формы жизни лишь в формах выживания, оставаясь в них неустранимой смутной угрозой, которая внезапно может реализоваться в насилии, чуждости, болезни, катастрофе” [Агамбен, 2011]. Архаичный *Homo Sacer*, который по римскому праву мог быть безнаказанно убит, но не мог быть принесен в жертву, то есть был исключенным одновременно из сфер легитимной законности и религиозных кодексов, — этот *Homo Sacer* как нельзя лучше символизирует “голую жизнь”. Эта семантическая перспектива продлевается Агамбеном через изгнанных из общины, “лишенных мира” (Йеринг), оборотней, вытесненных на границу города и леса, отверженных разного рода — вплоть до современного “мусульманина из лагеря беженцев” [Агамбен, 2011а: с. 132–136; Кобылин, 2011].

Тем не менее еще в 1970-х, рассуждая о рождении биополитики, Мишель Фуко настаивал на наблюдаемых со временем существенных переменах в основаниях регулирующей функции власти в отношении человеческой жизни¹. Известная формула Фуко, не раз цитированная в контексте исследований биовласти, весьма точно фиксирует такие изменения (в механизме захвата властью “голой жизни” в терминах Агамбена), происшедшие в конце XVIII–XIX веков и позволившие утвердиться этатизации биологического. Речь идет о дополнении направленных на индивидуальное тело, производство индивида (распределение множественности тел в пространстве, муштра, дрессировка, надзор) дисциплинарных техник власти технологиями обращения к человеку как живому существу, человеку-роду, функционально оптимизирующими, как сказали бы сегодня, жизнь населения — по параметрам пропорции рождения и смерти, уровня воспроизводства,

¹ Различие в подходах Фуко и Агамбена к определению времени утверждения биополитики находит у исследователей разъяснение, в том числе в контексте “различных модальностей тематизации исторического”, важности для археологического проекта Фуко сингулярных практик в их уникальных объективациях, с одной стороны, и актуальности поиска оснований их бесконечной повторяемости и воспроизводства традиции для ориентированного на Бенямина и Хайдеггера Агамбена — с другой [Кобылин, 2011].

роста населения, а также старения, болезней, окружающей среды. Фуко, подчеркивая в своей лекции по поводу “государственного расизма”, что жизнь и смерть подданных становятся правами только по решению суверенной воли, указывает на теоретический парадокс, асимметричную концептуализацию такого правового постулата. Если в домодерной истории существовало право суверена — *заставить умереть или позволить жить*”, то модерн вырабатывает новое право — *заставить жить и позволить умереть* [Фуко, 2005: с. 255]. Мы с легкостью отыщем множество примеров применения этой формулы в современном мире, включая нашу собственную локальность, политически, социально и человечески возбужденную в последние годы. Впрочем, это касается и всех прочих локальностей в глобальном обозрении, которые большей частью пребывают в состоянии “emergency”, чрезвычайных обстоятельств, где правила социального порядка могут быть приостановлены или поставлены под сомнение, а исключения трансформируются в норму [Adey, Anderson, Graham, 2015; Костенко, 2016]. Таким образом, “голая жизнь, которая была скрытым основанием суверенности, повсюду стала доминирующей формой жизни” [Агамбен, 2011].

Для Джудит Батлер такой констатации недостаточно. Ее не удовлетворяет концепция полиса в версиях Арендт или Агамбена как объяснительный инструмент агентности социально уязвимых сообществ в отсутствие каких-либо правовых гарантий, которая этой концепцией не предусмотрена по причине невидимости, непрозрачности этих сообществ для пристального политического рассмотрения и обреченности на проживание и выживание. Соответственно, отсутствует и выработанный или пригодный язык для описания статуса такой “неприемлемой уязвимости”, который, будучи введенным в политический дискурс, не усугублял бы и без того бедственное положение тех, кому этот статус предписан. Можно сказать, что в лекции “Союз тел и политика улицы”, впервые прочитанной в 2011 году в Венеции, Батлер активно ищет такой язык, как кажется, испытывая иллокативную силу высказывания и эффекты его восприятия, язык, который не поступался бы теоретическими дефинициями, но был выразителен и точен в отношении предмета [Butler, 2011]. В книжном варианте перформативность тела в реконфигурации публичного и частного пространств включается в исследование социальных движений, народного суверенитета, небезразличное, в том числе, и социологической аналитике [Батлер, 2018].

Батлер концептуализирует людские, а значит телесные, сопряженные с действием, протесты в терминах сопротивления возрастающей *прекаризации* в современном мире — негарантированности, рискованности существования касательно работы, пищи, мобильности, доступа к благам. В ее обозрении — протесты против тиранических режимов в Северной Африке в 2011 году, в поддержку государственного образования в США и в Европе, за безопасность гендерных групп и сексуальных меньшинств, мигрантов и других обездоленных — тех групп, которые нередко испытывают насилие в уличных инцидентах со стороны полиции и власти, несмотря на то, что имеют разные правовые и этические основания либо опровергать, либо порицать подобные акты. Украинский опыт Майдана 2013 года во многом подтверждает теоретические рассуждения, предложенные в “Заметках к перформативной теории собрания”. Прекаризация усугубляет неравенство в отношении множественных коллективных и телесных прав и, прежде всего,

притязания любых человеческих жизней не только на некий абстрактный витализм, но и на то, чтобы стать жизнеутверждающими, облегчить нежизнеспособность дискриминируемым по разным основаниям идентичностям [Батлер, 2018: с. 69–77].

Пожалуй, политика улицы, когда немаловажность тел совместного множественного действия артикулирована максимально, поскольку столь же немаловажными оказываются условия их упорства и сопротивления тем, кто пытается эти условия монополизировать, — иной предельный случай воплощенности публичной сферы как телесного и лингвистического опыта права [Butler, 2011], явно альтернативный тому образцу, что легитимно продуцируется и репродуцируется социально состоятельной публикой.

Медиа дают сдачу

Перефразируя Латура, который предписывает эту способность ответного действия вещам, материальным объектам, резонно отнести ее и к медиа, гибриднему соединению human и non-human, человеческого и технического, независимо от того, какой из двух элементов в этой нераздельности мы полагаем первостепенным. Медиа могут не оправдывать притязания на значимость самых разных игроков глобальных и локальных коммуникаций как со стороны их инициаторов, будь то собственники, властные институты, группы интересов, различные media-bodies или персонифицированные коммуникаторы, так и среди тех, кто в них вовлекается, — дифференцированных аудиторий, реципиентов, активных пользователей. При этом — нередко усугубляя неуверенные позиции статусов и идентичностей, обходя неуравновешенные общественные состояния и ситуации какими бы то ни было медиа-эффектами либо, напротив, продуцируя неожиданный эффект или формируя повестку дня с иными акцентами для публичного обсуждения. В любом случае, едва ли возможно сегодня рассматривать публичную сферу, не апеллируя к медиа, хотя их онтологическое и функциональное осуществление далеко от некоего единого и непротиворечивого понимания.

Юрген Хабермас определял медиа в терминах стратегического действия, “манипуляций” или “систематически искаженной коммуникации”, малоприспособленной для формирования “подлинной” публичной сферы, которая отвечала бы всем требованиям обоснованности и конституировалась в качестве продуцента рационально опосредованной социальной рефлексии и общественного согласия [Habermas, 1979: p. 209–210]. Диалог в понимании Бахтина или Гадамера здесь попросту невозможен. Тем не менее медиа в состоянии организовать пространство репрезентации мнений и точек зрения и, вполне возможно, компетентно их аранжировать, будучи скорее инструментом расширения дискуссионной коммуникативной среды. Однако чаще происходит иначе. Современные медиа-продукты, как известно, рассчитаны не столько на полноценный коммуникативный акт, сколько на успешное, то есть состоявшееся в установленных форматах проговаривание заданной темы, преумножающее массу высказываний в этой связи и по случаю и транслирующее их дальше. Тем самым запускаются механизмы аутопойезиса уже не единожды интерпретированных, устойчивых в общественном мнении смысловых конфигураций, а также предоставляется место адвертисменту различного рода идентичностей, каждая из которых стремится

к тому, чтобы захватить публичность, “пространство появления” целиком. Норберт Болц, обращаясь к немецкой интеллектуальной традиции, соотносит этот самовоспроизводимый поток посланий с “говорением” у Хайдеггера, посредством чего *das Man* разговаривает сам с собой, воспроизводя и продолжая “примыкающую коммуникацию” (Луман). Иными словами, к говорению примыкает говорение [Болц, 2011: с. 25], и ценностью становится самой связью (*linking value*), процесс интеракции и коммуницирования [Болц, 2011: с. 95]. Но едва ли медиа претендуют на достижение некоего нового или уточненного знания относительно тематического предмета [Beck, Levy, 2013] или на плодотворный публичный дискурс. Между тем, их участие в установлении общественного климата остается весьма существенным, поскольку привычность, рутинность, с которой медиа присутствуют в нашей жизни, давно уже приучили публику к “медиаатизированной социальности” [Frosh, 2011].

Для этого у медиа имеются различные привилегии и операционные системы. Медиа в состоянии транслировать и генерализованные образы, тотальные картины мира с его глобальным охватом, и фрагментарные имиджи в пределах национальных вещательных фреймов, инвестируя аффективные атмосферы неотложности и ожидания, темпоральной рассредоточенности, колеблющейся топологии существования, репрезентируя разные версии “дискурса истины”. Словом, каталог конфигураций пространств проявления людей и событий, выносимых медиа на всеобщее обозрение, обширен, если не бесконечен, но одновременно и ограничен стратегическими, политическими, контекстуальными, техническими факторами.

Вопрос относительно ответственности медиа за возбуждающие общественное мнение реакции, что хорошо удается им посредством визуализации людей и событий, когда они организуют и выносят их в публичность, “пространство появления”, заручившись видимой “алиби-реальностью”, о которой говорил Луман, — вопрос этот остается перманентно дискутируемым [Van Dijk, 1991; Silverstone, 2002]. Лили Чоулиараки и Тайяна Столик, анализируя представление кризиса с сирийскими беженцами в европейских новостях 2015 года, конструируют пять моделей его визуального воплощения, “режимов видимости” его присутствия, которые воздействуют на разные диспозиции воспринимающих аудиторий. Если видимость как *биологическая жизнь* предполагает назидательные интенции, видимость как *сочувствие* — благотворительные установки, то видимость как *угроза* связывается с государственной безопасностью, видимость как *гостеприимство* побуждает к политической активности и, наконец, видимость как *саморефлексия* артикулирует инсайт постгуманитарного обязательства в отношении людей, “подобных нам” [Chouliaraki, Stolic, 2017]. Несмотря на то, что спектр типов медиального представления кризиса с беженцами значительно шире, нежели доминирующие визуальные тропы жертвы и угрозы, все же медиа, отказываясь изображать их как людей с собственными жизнями, скорее терпят неудачу в проецировании должного и ответственного отношения к уязвимым другим [Chouliaraki, Stolic, 2017: р. 1175–1177]. Несомненно, похожие режимы видимости “темы переселенцев” легко обнаружить и в украинских новостях, если задаться целью проанализировать их с точки зрения взаимодействия публичных и частных пространств присутствия перемещенных лиц с Донбасса и из Крыма.

Впрочем, максимальная политическая мобилизация украинских медиа накануне президентских выборов с очевидностью дала нам образец стратегического воздействия на общественное мнение в строгом соответствии со структурной конфигурацией собственников ведущих телеканалов с их предпочтениями относительно высшего руководства государства и правящих элит. Как фиксирует “Мониторинг политических новостей”, основанный на контент-анализе аудиовизуальной информации, в пространство продвижения каналами кандидатов на пост президента, аранжированное как очевидно публичное (сообщения о кампаниях претендентов, встречах с избирателями, их высказывания в прямом эфире), внедряются приватные прослойки, которые недвусмысленно ассоциируются с частными интересами собственников [Моніторинг політичних новин, 2019].

С подключением новейших медиа публичная сфера модифицируется структурно и сущностно. Именно таков ее современный вариант, где определяющая роль принадлежит телесному взаимодействию людей с гаджетами онлайн коммуникаций, молниеносно связывающих информационные сети разными траекториями. Локальное “пространство появления”, возникающее *между* людьми, собравшимися вместе, чтобы выразить претензии к существующему социальному порядку, приобретает шанс расшириться до глобальных масштабов благодаря смартфонам с выходом в интернет, транспортироваться в мировую публичность, хотя бы в мерцательном ритме. В собраниях на площади, как говорит Батлер, невозможно помыслить транслируемость действующих тел без медиа, без рук, выставляющих для съемки телефон или мобильную камеру, превращая этот совместный human-non-human акт в реализацию права на свободу и сохранность, осуществляя контроль активности лояльного и нелояльного окружения и сообщая об этом миру. “Чтобы состоялось событие, медиа требуют этих тел на улице, даже если тела на улице требуют медиа, чтобы присутствовать на глобальной арене” [Батлер, 2018: с. 94–95]. Режимы видимости и акустики, обеспеченные мобильным интернетом для проявления тел в гражданском событии и обыденных ситуациях, его сопровождающих, смещают представление о границах общего и частного пространства, реконфигурируют его — не только на время поступившись приватным в пользу публичного, но оперируя им как значимым коллективным. События зимы 2013–2014 очевидно это продемонстрировали, должно быть впервые в Украине предоставив опыт столь масштабной добровольной мобилизации, основанной на медийных инверсиях публичного и приватного.

* * *

В то же время распространение новых медиа и в целом стремительное развитие информационных технологий продуцируют и особые риски генерирования контролируемых обществ “программирующих” и “программируемых” (В. Флюссер). В частности — активно использовать всевозможные практики “вирусного заражения как способа действовать посредством инфекции, мутации и колонизации различных сетей” [Parikka, 2016: p. 66–67], то есть контролировать индустрию коммуникации. Соответственно, оставляя незащищенными и подвергая деформации как публичные сферы, так и приватные территории, а также побуждая переосмысливать проблему отнесенности идей транспарентности обществ и безопасности.

Источники

- Агамбен, Д. (2011a). Форма-жизни. *Художественный журнал*, 81. Отримано з <http://moscowartmagazine.com/issue/16/article/217>.
- Агамбен, Д. (2011b). Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. Москва: Европа.
- Академія української преси (2019, 27 березня). *Моніторинг політичних новин. Результати моніторингу новин напередодні президентських виборів — березень 2019* [Прес-реліз]. Отримано з <http://www.aup.com.ua/rezultati-monitoringu-novin-napere/#respond>.
- Арендт, Х. (2000). *Vita activa, или О деятельной жизни*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Батлер, Д. (2018). Заметки к перформативной теории собрания. Москва: Ad Marginem.
- Большц, Н. (2011). *Азбука медиа*. Москва: Европа.
- Кобылин, И. И. (2011). Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти. *Философия и общество*, 3(63), 171–183.
- Костенко, Н. (2016). В состоянии “emergency”: культурные эффекты. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 102–118.
- Костенко, Н., & Макеев, С. (1999). Выборы и медиа: легализуя публичную сферу. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 1, 78–92.
- Муфф, Ш. (2004). К агонистической модели демократии. *Логос*, 2(42), 180–197.
- Теории и практики, & V-A-C (б. д.). *Мы разбиваемся: Саймон Шейх о фрагментации публичной сферы*. Получено с <https://special.theoryandpractice.ru/simon-sheikh>.
- Фуко, М. (2005). Лекция от 17 марта 1976 г. В М. Фуко, “Нужно защищать общество”. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году (сс. 253–278). Санкт-Петербург: Наука.
- Хабермас, Ю. (2006). Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. *Неприкосновенный запас*, 3(47). Получено с <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>.
- Юдин, Г. Б. (2017). Рецензия на книгу: Хабермас, Ю. (2016). Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, 1(1), 123–133. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-1-1-123-133>.
- Adey, P., Anderson, B., & Graham, S. (2015). Introduction. Governing emergencies: Beyond exceptionality. *Theory, Culture & Society*, 32(2), 3–17. <https://doi.org/10.1177/0263276414565719>.
- Beck, U., & Levy, D. (2013). Cosmopolitanized nations: Re-imagining collectivity in world risk society. *Theory, Culture & Society*, 30(2), 3–31. <https://doi.org/10.1177/0263276412457223>.
- Butler, J. (1993). Bodies that matter: On the discursive limits of “sex”. New York, NY: Routledge.
- Butler, J. (2011). *Bodies in alliance and the politics of the street* [Lecture held in Venice, on September 7, 2011, in the framework of the series “The State of Things”, organized by the Office for Contemporary Art Norway (OCA)]. Retrieved from: <http://www.eipcp.net/transversal/1011/butler/en>.
- Chouliaraki, L., & Stolic, T. (2017). Rethinking media responsibility in the refugee “crisis”: A visual typology of European news. *Media, Culture & Society*, 39(8), 1162–1177. <https://doi.org/10.1177/0163443717726163>.
- Esposito, R. (2015). *Persons and things: From the body's point of view*. Cambridge, England: Polity Press.
- Frosh, P. (2011). Phatic morality: Television and the proper distance. *International Journal of Cultural Studies*, 14(4), 383–400. <https://doi.org/10.1177/1367877911403248>.
- Habermas, J. (1979). *Communication and the evolution of society*. Boston, MA: Beacon Press.
- Habermas, J. (1996). Between facts and norms: Contribution to a discourse theory of law and democracy. Cambridge, MA: The MIT Press.

- Serafini, L. (2017). Beyond the person: Roberto Esposito and the body as “common good”. *Theory, Culture & Society*, 34(7–8), 215–228. <https://doi.org/10.1177/0263276416640081>.
- Silverstone, R. (2002). Complicity and collusion in the mediation of everyday life. *New Literary History*, 33(4), 761–780. <https://doi.org/10.1353/nlh.2002.0045>.
- Taylor, Ch. (1995). Liberal politics and the public sphere. In Ch. Taylor, *Philosophical Arguments* (2nd ed.) (pp. 257–288). Cambridge, MA: Harvard University Press.
- van Dijk, T. A. (1991). *Racism and the press*. London, England: Routledge.

Материал получен 02.04.2019

References

- Academy of Ukrainian Press (2019, March 27). *Political news monitoring. The results of news monitoring on the eve of the presidential election – March 2019* [Press release]. [In Ukrainian]. Retrieved from <http://www.aup.com.ua/rezultati-monitoringu-novin-napere/#respond>. [= Академія]
- Adey, P., Anderson, B., & Graham, S. (2015). Introduction. Governing emergencies: Beyond exceptionality. *Theory, Culture & Society*, 32(2), 3–17. <https://doi.org/10.1177/0263276414565719>.
- Agamben, G. (2011a). Form-of-life. [In Russian]. *Moscow Art Magazine*, 81. Retrieved from <http://moscowartmagazine.com/issue/16/article/217>. [= Агамбен 2011а]
- Agamben, G. (2011b). *Homo Sacer. Sovereign power and bare life*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Europe Publishing House. [= Агамбен 2011б]
- Arendt, H. (2000). *Vita activa oder Vom tätigen Leben*. [In Russian]. Saint Petersburg, Russian Federation: Aletheia Press. [= Арендт 2000]
- Beck, U., & Levy, D. (2013). Cosmopolitanized nations: Re-imagining collectivity in world risk society. *Theory, Culture & Society*, 30(2), 3–31. <https://doi.org/10.1177/0263276412457223>.
- Butler, J. (1993). *Bodies that matter: On the discursive limits of “sex”*. New York, NY: Routledge.
- Butler, J. (2011). *Bodies in alliance and the politics of the street* [Lecture held in Venice, on September 7, 2011, in the framework of the series “The State of Things”, organized by the Office for Contemporary Art Norway (OCA).]. Retrieved from: <http://www.eicpc.net/transversal/1011/butler/en>.
- Butler, J. (2018). *Notes toward a performative theory of assembly*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Ad Marginem. [= Батлер 2018]
- Bolz, N. (2011). *Das ABC der Medien*. [In Russian]. Moscow, Russian Federation: Europe Publishing House [= Болц 2011]
- Chouliaraki, L., & Stolic, T. (2017). Rethinking media responsibility in the refugee “crisis”: A visual typology of European news. *Media, Culture & Society*, 39(8), 1162–1177. <https://doi.org/10.1177/0163443717726163>.
- Esposito, R. (2015). *Persons and things: From the body’s point of view*. Cambridge, England: Polity Press.
- Foucault, M. (2005). Lecture 11 (March 17, 1976). [In Russian]. In M. Foucault, “*Il faut défendre la société*”. *Cours au Collège de France, année 1975–1976* (pp. 253–278). Saint Petersburg, Russian Federation: Nauka Press. [= Фуко 2005]
- Frosh, P. (2011). Phatic morality: Television and the proper distance. *International Journal of Cultural Studies*, 14(4), 383–400. <https://doi.org/10.1177/1367877911403248>.
- Habermas, J. (1979). *Communication and the evolution of society*. Boston, MA: Beacon Press.
- Habermas, J. (1996). *Between facts and norms: Contribution to a discourse theory of law and democracy*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Habermas, J. (2006). Ein avantgardischer Spürsinn für Relevanzen. Was den Intellektuellen auszeichnet. [In Russian]. *The Inviolable Reserve*, 3(47). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html>. [= Хабермас 2006]

Kobylin, I. I. (2011). The source and singularity: G. Agamben and M. Foucault about the birth of biopower. [In Russian]. *Philosophy and Society*, 3(63), 171–183. [= Кобылин 2011]

Kostenko, N. (2016). In a state of “emergency”: Cultural effects. [In Russian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 102–118. [= Костенко 2016]

Kostenko, N., & Makeev, S. (1999). Elections and the media: Legalizing the public sphere. [In Russian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 1, 78–92. [= Костенко 1999]

Mouffe, Ch. (2004). Por um modelo agonístico de democracia. [In Russian]. *Logos*, 2(42), 180–197. [= Мюфф 2004]

Serafini, L. (2017). Beyond the person: Roberto Esposito and the body as “common good”. *Theory, Culture & Society*, 34(7–8), 215–228. <https://doi.org/10.1177/0263276416640081>.

Silverstone, R. (2002). Complicity and collusion in the mediation of everyday life. *New Literary History*, 33(4), 761–780. <https://doi.org/10.1353/nlh.2002.0045>.

Taylor, Ch. (1995). Liberal politics and the public sphere. In Ch. Taylor, *Philosophical Arguments* (2nd ed.) (pp. 257–288). Cambridge, MA: Harvard University Press.

Theory&Practice, & V-A-C (n. d.). *We are breaking into pieces: Simon Sheikh on a “fragmented” public sphere*. [In Russian]. Retrieved from <https://special.theoryandpractice.ru/simon-sheikh>. [= Теории]

van Dijk, T. A. (1991). *Racism and the press*. London, England: Routledge.

Yudin, G. B. (2017). Book review: Habermas, J. (2016). Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. [In Russian]. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 1(1), 123–133.

<https://doi.org/10.17323/2587-8719-2017-I-1-123-133>. [= Юдин 2017]

Received 02.04.2019

НАТАЛІЯ КОСТЕНКО

Публічне і приватне: реконфігурація взаємодій у громадянському акті

Предмет дослідницького інтересу — рух соціологічної рефлексії в плані взаємодії публічних і приватних царин у соціальному, політичному та індивідуальному житті. У фокусі — граничні конструкти втілення публічності: насамперед, класичні моделі “простору появи” вільних громадян поліса (Г.Арендт) та публічної сфери, що організується комунікативною раціональністю (Ю.Хабермас). Альтернативні зразки присутні в сучасних уявленнях про значущість у публічному просторі біологічного компонента в контексті біополітики (М.Фуко), “включеного виключення голого життя” (Дж.Агамбен), а також перформативності тілесного і лінгвістичного досвіду права в громадянських актах народних зборів (Дж.Батлер), де нівелюються встановлені відмінності між публічним і приватним та відбувається реконфігурація їх співвіднесеності.

З появою новітніх медіа публічна сфера модифікується структурно та сутнісно, і визначальна роль переходить до тілесної взаємодії людей із гаджетами онлайн-комунікацій, що миттєво зв’язують інформаційні мережі різними траєкторіями. Водночас стрімкий розвиток інформаційних технологій продукує особливі ризики контролю індустрії комунікацій, залишаючи незахищеними та піддаючи деформації як публічні сфери, так і приватні території, а також змушуючи переосмислювати питання щодо конгруентності ідей транспарентності суспільства і безпеки.

Ключові слова: публічне, приватне, класичні моделі публічної сфери, деліберативна демократія, тілесний і лінгвістичний досвід права в народних зборах, інформаційні технології в сучасних версіях публічності

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО

Публичное и приватное: реконфигурация взаимодействий в гражданском акте

Предмет исследовательского интереса — движение социологической рефлексии относительно взаимодействия публичных и частных областей в социальной, политической и индивидуальной жизни. В фокусе — предельные конструкты воплощения публичности: прежде всего, классические модели “пространства появления” свободных граждан полиса (Х.Арендт) и публичной сферы, организуемой коммуникативной рациональностью (Ю.Хабермас). Альтернативные образцы присутствуют в современных представлениях о значимости в публичном пространстве биологического компонента в контексте биополитики (М.Фуко), “включенного исключения голый жизни” (Дж.Агамбен), а также перформативности телесного и лингвистического опыта права в гражданских актах народных собраний (Дж.Батлер), где нивелируются установленные различия между публичным и частным и происходит реконфигурация их соотношенности.

С подключением новейших медиа публичная сфера модифицируется структурно и сущностно, и определяющая роль переходит к телесному взаимодействию людей с гаджетами онлайн коммуникаций, мгновенно связывающих информационные сети разными траекториями. В то же время стремительное развитие информационных технологий продуцирует особые риски контроля индустрии коммуникации, оставляя незащищенными и подвергая деформации как публичные сферы, так и частные территории, а также побуждая переосмысливать вопрос относительно конгруэнтности идей транспарентности обществ и безопасности.

Ключевые слова: публичное, частное, классические модели публичной сферы, делиберативная демократия, телесный и лингвистический опыт права в народных собраниях, информационные технологии в современных версиях публичности

NATALIJA KOSTENKO

The public and the private: reconfiguring the interrelationship during a civil act

The subject matter of research interest here is the movement of sociological reflection concerning the interplay of public and private realms in social, political and individual life. The focus is on the boundary constructs embodying publicity, which are, first of all, classical models of the space of appearance for free citizens of the polis (H.Arendt) and the public sphere organised by communicative rationality (Ju.Habermas). Alternative patterns are present in modern ideas pertaining to the significance of biological component in public space in the context of biopolitics (M.Foucault), “inclusive exclusion of bare life” (G.Agamben), as well as performativity of corporeal and linguistic experience related to the right in civil acts such as popular assembly (J.Butler), where the established distinctions between the public and the private are levelled, and the interrelationship of these two realms becomes reconfigured.

Once the new media have come into play, both the structure and nature of the public sphere becomes modified. What assumes a decisive role is people’s physical interaction with online communication gadgets, which instantly connect information networks along various trajectories. However, the rapid development of information technology produces particular risks related to the control of communications industry, leaving both public and private realms unprotected and deforming them. This also urges us to rethink the issue of congruence of the two ideas such as transparency of societies and security.

Keywords: the public, the private, classical models of the public sphere, deliberative democracy, corporeal and linguistic experience of the right in public assembly, information technology in the state-of-the-art versions of publicity